

Артукерман и
Фрадкин 2003 г. № 21
суперзвезды
(эпизод - 17 стр.)

НАДЕЖДА КУЩЕНКОВА ЧЕЛОВЕК-ОРКЕСТР

Имя Надежды Кущенко особенно знакомо тем, кто занимается народным жанром. Надежда Викторовна стояла у истоков создания Академии культуры России, целью которой является поддержка и развитие национальной культуры, помощь несправедливо забытому жанру народного творчества. Помимо этой работы Надежда Кущенко выступает как организатор галаконцертов и фестивалей. Талантливый руководитель и просто красивая женщина, она начинала с работы в хоре, и ее путь к академии был долгим и непростым.

- Надежда Викторовна, сейчас вы возглавляете Академию культуры, а раньше выступали на сцене. Как вообще случилось так, что вы решили связать свою жизнь с народным творчеством?

- Для начала хочу исправить вас: я не возглавляю Академию культуры. Ее возглавляет народная артистка СССР Людмила Зыкина, а я являюсь вице-президентом и руководителем проектов, которые делает академия. До этого я девять лет работала в Государственном академическом северном русском народном хоре, еще раньше закончила Брянское музыкальное училище и Институт имени Гнесиных. Я по образованию инструменталистка и дирижер, а Гнесинку заканчивала уже как вокалистка.

- Родители как-то способствовали тому, что вы выбрали для себя эту профессию?

- Родители мне дорогу не выбирали. Они были рабочими, очень простыми людьми. Намного лучше и чище, чем я. Тогда бытовых проблем было больше, зато люди задумывались о чем-то кроме наживы. Моя мама работала на хлебозаводе. Я, между прочим, на свой первый инструмент зарабатывала там же. Денег на хороший инструмент не хватало, да и вообще денег было не очень много, поэтому я с четырнадцати лет во время школьных каникул работала вместе с мамой на хлебозаводе.

- А как же вы попали в хор?

- Изначально я хотела быть дирижером, мне это очень нравилось. Классе в первом, как любому нормальному ребенку, мне хотелось поиграть, погулять с ребятами, но тем не менее я поступила в музыкальную школу. Сначала мама с трудом усаживала меня за инструмент, но потом я стала заниматься так, что родители и соседи не знали, куда деваться от моей музыки. Играла по шесть, по восемь часов, в основном классику. Потом началось дирижирование: я часами стояла у зеркала, которое висело у нас в гостиной. Кроме большого зеркала там стоял еще и телевизор, поэтому родители вынуждены были разрываться между мной и

телевизионными программами. А потом мне пришлось совершить очень нехороший поступок... Действительно, очень стыдно. Я просто вынула из телевизора какую-то штуковину, и родители остались наедине со мной и зеркалом. В итоге им пришлось махнуть на меня рукой, а я продолжала часами дирижировать, входить в роль, разговаривать с воображаемым оркестром. Уже учась в музыкальном училище, мы репетировали перед экзаменами в концертном зале, в том самом, где, к слову сказать, выступал и Рихтер. Чудный был зал. Для меня экзамен по специальности был радостью. Оценка была не важна, но я ночами - с одиннадцать до семи утра - репетировала в этом самом зале. Давала дежурным шоколадку, чтобы они впустили меня, и представляла себе, что зал полон и я играю перед ним.

- Когда началась ваша певческая карьера?

- Я собиралась поступать в Гнесинский институт. Причем хотела учиться и на инструменталистку, и на дирижера, в результате чего "переиграла" руку и в этот год уже не могла поступать. Год я преподавала, одновременно с этим пошла работать музыкальным руководителем в детский садик, каждый день вставала в семь и заканчивала в одиннадцать вечера. Причем мысли о деньгах волновали чуть ли не в последнюю очередь - просто надо было куда-то девать свою молодую энергию. Конечно, если сложить все мои зарплатки, то сумма получалась достаточно внушительная - рублей пятьсот. По тем временам безумные деньги!

А однажды к нам в Брянск приехал с концертом Ведерников. Естественно, мы все купили билеты. Будучи человеком эмоциональным, конечно же, пошла за кулисы. Музыка не выходила у меня из головы, поэтому, стоя там, я тихонечко напевала. Ведерников услышал это и предложил спеть погромче. Я взяла и напела, на что он мне сказал: "Вы знаете, девочка (тогда я еще была совсем девочкой, это было килограмм сорок назад), по вам Ваня плачет" (в опере "Иван Сусанин" его партию исполняет контральто). А у меня действительно был очень большой голосовой диапазон. И почему-то эти слова мне запали в голову, в результате чего я решила попробовать пойти на прослушивание в Гнесинский институт по классу народного пения. Туда поступали люди с великолепной подготовкой, в то время как для меня народная песня не представляла особой ценности. Я просто решила проверить, есть ли у меня что-то в голосе или показалось. Причем песен народных я особо не знала. Сижу, жду. Вперед меня выходят лауреат международного конкурса, заслуженная артистка - все известные и именитые, а я просто девочка с улицы. Но, поскольку не привыкла отступать, решила петь. Прослушивали нас народная артистка Нина Константиновна Мешко и профессор Шамина Людмила Васильевна. Буквально по дороге я вспомнила несколько куплетов из песни Зыкиной "Иди, любимый, мой родной..." и "Есть на Волге утес...". Шамина сама села мне аккомпанировать, и я спела ей то, что вспомнила. Этого оказалось достаточно, и мне осталось сдать еще один экзамен. На этот факультет поступали люди со значительно лучшей подготовкой, нежели была у меня. Принимали меня хорошо, даже с лишком - не засыпали, а наоборот, старались вытянуть. И, сдавая последний экзамен, я сказала экзаменационной комиссии: "Вы, ради бога, меня извините, что отняла у вас время, но я не готова в том объеме, который здесь требуется. Дайте, пожалуйста, мой экзаменационный лист". Взяла его и вышла. Стою в коридоре и не знаю, что делать дальше, а мимо идет Шамина. На нее все налетели и принялись рассказывать, какая я идиотка, что сбежала. Шамина подошла ко мне, дала телефон Мешко и велела позвонить ей

и представиться "Надей с низким голосом". Та в свою очередь, узнав меня, пригласила в Государственный академический северный русский хор, художественным руководителем которого она и являлась. Я согласилась, хоть и родители мои были в шоке - Север, холод, незнакомые люди.

- Как вас приняли в хоре? Было ли что-то наподобие "дедовщины"?

- Не знаю, как проявляется эта "дедовщина", в армии, но свои порядки в коллективе были, причем очень жесткие. Кое-что от той муштры осталось во мне до сих пор. Будучи уже продюсером, художественным руководителем больших проектов, я, например, не могу ступить на сцену в уличной обуви - даже если на минутку, а на улице лето и я в легких туфлях. Я не могу сесть во время концерта, все равно, стою ли за кулисами или нахожусь в своей примерке. Я не умею этого делать. В свое время у меня были сольная программа на телевидении, фондовые записи, и, как артистка, я всегда придерживалась этих правил. Сейчас, уже будучи руководителем, я все равно не отступаю от них. Нынче же все по-другому, нравы изменились. Нет, я никого не хочу осуждать, но порой меня это шокирует. Совсем недавно один молодой артист, по всей видимости, считающий себя большой звездой, участвовал в наших концертах в "России" и опоздал. Поскольку номера пришлось сдвинуть, я попросила Софью Михайловну Ротару выйти на сцену раньше. Она согласилась, и в этот момент прибежала опоздавшая "звезда" с оправданиями - машина, мол, у него, пробки. На что я ему ответила: "До свидания". - "Как это? Как это?" - "Да вот так. Вы считаете себя настолько звездным, что думаете, я вас выпущу после народной артистки СССР Ротару? Вот так - мимо пробегаю?" Как можно себе такое позволять - ума не приложу. Взять хотя бы Кремлевский концерт в День защитника Отечества: Алла Борисовна Пугачева пела в конце второго отделения, так она прибыла за сорок минут до начала концерта, т. е. за несколько часов до своего выхода. Иосиф Кобзон

и Людмила Зыкина - за час, а эта "звезда"... В первом концерте в "России" я так его и не выпустила, а во втором меня Зыкина упростила. Была в хорошем настроении и решила сделать доброе дело, а я Зыкиной отказать не могу.

- А вам самой по молодости доставалось от "дедов" хора?

- А то?! Ехали, к примеру, на гастроли, так в первое время место в вагоне мне доставалось только в плацкарте. Все молодые - и из хора, и из балета, и из оркестра - начинали с третьей полки, рядом с туалетом, и я не была исключением. И потом два месяца в году мы стабильно пребывали в жутких условиях. Будет вам известно, до 80-го года коллективы, выезжающие на гастроли, жили не в гостиницах, а в вагонах. Это значит - плацкартный вагон, на боковых местах мы обедали, а на остальной территории жили. Вместо дверей вешали шторы, чтобы казалось поуютней. С помывкой тоже была проблема: были дворцы культуры с душевыми, а попадались и такие, где ничего подобного не было. В таком случае нас после концерта подвозили к вокзалу, мы шли в чистярку и мылись там. Хотя это нас вовсе не смущало.

- А в заграничные командировки вы ездили, учитывая, что во времена СССР интерес за рубежом к народному творчеству был очень сильным?

- Безусловно. Но хочу сказать, что этот интерес не иссяк и до сих пор. Причем востребованность действительно колоссальная. Все, как обычно, упирается в финансы: чтобы вывезти большой коллектив в полном составе, во всем его богатстве за границу, нужны огромные средства. Что касается моих первых поездок, то Запад я для себя открыла после поездки в Западный Берлин. Меня как секретаря комитета комсомола назначили блюстителем нравственности. У меня был специфический подход к этой должности, поскольку я всегда считала, что, прежде чем что-то выбрать, нужно все попробовать. Мне было непонятно, что такого загнивающего в этом Западе, поэтому мы с коллегами совершали безумные маневры. Както раз, усыпив бдительность начальства, организованно, всей группой отправились смотреть "Эмманюэль" на самый поздний сеанс. В итоге смогли обо всем, что видели, оставить собственное мнение, а не просто следовать наставлениям старших товарищей.

- А личная жизнь при таком суровом графике работы не страдала?

- Помню, однажды ко мне в Москву приехала мама. Она очень любила гостить у меня, постоянно что-то готовила вкусное. Я чувствовала, ей хочется поговорить, а мне было лень не то что говорить, даже жевать. Тогда она посмотрела на меня и сказала: "Разве стоит оно того?" - имея в виду, что нельзя так выкладываться ради работы. Если говорить о семье, то мы всегда в долгу перед родителями. Нет ни одного человека, который бы считал, что сделал все для своих родных. Особенно четко это понимаешь, когда они уходят. Про себя могу сказать, что всю жизнь я старалась сделать так, чтобы мои близкие жили красиво. Что касается любимого мужчины, то я не связана семьей, хотя не считаю, что у меня ее нет. Для меня ею стала семья моего брата: мне очень повезло с невесткой, я у них за старшую. Мы и работаем, и праздники встречаем вместе. А вообще ничто не может помешать личной жизни. Если человек способен любить, если Господь наделил его этим даром, то у него все равно не получится работать в ущерб любви. Сколько бы дел ни было, любовь все равно будет. Мне лично любовь помогает в работе, она заряжает.

Дарья АПТЕКАРЕВА

Кущенко Надежда

15.10.03
(1 стр.)